

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛЕМИКА

УДК 94(47+57)"12/14"

doi 10.17072/2219-3111-2024-4-40-49

Ссылка для цитирования: Селезнев Ю. В. «Пришел Александръ от Батыя»: к вопросу о возможности поездки князя Александра зимой 1240/1241 года в ставку Батыя // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 4(67). С. 40–49.

«ПРИШЕД АЛЕКСАНДРЪ ОТ БАТЫЯ»: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПОЕЗДКИ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ЗИМОЙ 1240/1241 ГОДА В СТАВКУ БАТЫЯ¹

Ю. В. Селезнев

Воронежский государственный университет, 394018, Россия, Воронеж, Университетская пл., 1
orda1359@mail.ru

ResearcherID: B-7401-2018

Scopus Author ID: 57205355065

SPIN-код: 6847-1666

Псковское летописание сохранило уникальное свидетельство о поездке князя Александра Ярославича Невского к Батыю. Традиционно данное известие рассматривается как анахронизм и плод неудачного творчества переписчиков, не понявших текст предшественников. Однако внимательный анализ событий конца 1240 – начала 1241 г. позволяет предполагать возможность поездки князя в ставку монгольского полководца именно в это время. В статье приводятся аргументы в пользу вероятности такой поездки, ее особенностей, хода, целей и результатов, которые связываются с падением Киева осенью – зимой 1240 г. и необходимостью налаживания отношений с завоевателями после падения столицы Руси и потери суверенитета. Завоевание противником столицы ставило вопрос о признании власти победителей или отстаивания независимости с оружием в руках. Намерение владимирского князя вступить в переговоры в данных условиях весьма вероятно. Сама задача представления великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича при дворе монгольского полководца заставляет по-иному взглянуть на проблему отъезда князя Александра Ярославича из Новгорода осенью 1240 г. Можно полагать, что отъезд был инициативой князя, а новгородцы воспротивились убытию Александра из города. Анализ летописных записей показывает, что случаи, когда инициатором разрыва отношений был князь и когда новгородцы предъявляют князю обвинения и просят покинуть княжеский стол, описываются по-разному. Отъезд князя без воли новгородцев и стал причиной напряженных отношений между боярами и княжеской властью. После возвращения от Батыя князь Александр вернулся в Новгород. В статье приводятся аргументы в пользу подобной интерпретации событий зимы 1240/1241 гг.

Ключевые слова: Александр Невский, Псковские летописи, Батый, Орда, Киев, Новгород.

Уникальное известие о возвращении князя Александра от Батыя в 1241 г. отложилось в Псковской III летописи.

Псковские летописные памятники, объединенные единством происхождения, являются несколькими самостоятельными сводами XV–XVII столетий.

Издатели Псковских летописей в составе «Полного собрания русских летописей» в середине XIX в. выделили две летописи – Псковскую первую (Архивский 1-й, Архивский 2-й, Строевский и другие списки) и Псковскую вторую (Синодальный список). А. Н. Насонов в издании 1941–1955 гг. привлек неизвестный прежде Тихановский список, близкий к Архивскому 1-му, и обнаружил важные различия между этими списками и Строевским, Архивским 2-м и др. Он выделил на этом основании три Псковские летописи: Псковскую I (Тихановский, Архивский 1-й и другие списки), Псковскую II (Синодальный список) и Псковскую III (Строевский и Архивский 2-й списки) [Охотникова, 1989, с. 27–30].

Выявлено, что к концу XIV – 1-й половины XV в. был составлен один из первых псковских летописных сводов: его следы обнаруживаются в общерусском летописании. Псковский свод был одним из источников общерусского свода 40-х гг. XV в., протографа Софийской I и Новгородской IV летописей. Ко 2-й половине XV в. формируются первые дошедшие до нас псковские своды и выделяются три ветви псковского летописания, различные по своим идейно-политическим тенденциям, – Псковские I, II и III летописи (ПЛ, ППЛ, ПППЛ) [Там же].

ПЛ имеет несколько редакций XV–XVII вв. Самая ранняя – свод 1469 г. – представлена Тихановским списком. Заканчивается свод рассказом о событиях 1464–1469 гг., связанных с борьбой Пскова за самостоятельную епископию. ППЛ, памятник псковского летописания XV в., представляет собой свод 1486 г. Новая редакция ПЛ представлена сводом 1547 г., который, продолженный до середины XVII в., составил ПППЛ [Там же].

Летописание в Пскове зарождается в XIII в. и в последующем XIV столетии принимает регулярный характер. Центром летописного дела в Пскове на протяжении XIV в. был Троицкий собор. Известия псковского летописания XIII–XIV вв. носят прежде всего местный деловой характер.

Ко времени около 1410/1411–1418 гг. относится создание в Пскове летописного свода [Введенский, 2017, с. 22]. На базе его при Троицком соборе продолжилось ведение записей. Эта традиция вполне закономерно была прервана в 1510 г. Сохранился всего один список – Синодальный (собственно ППЛ), представляющий собой редакцию этой летописи 1486 г. Эта или близкая редакция этой светской псковской летописи была привлечена составителем свода 1567 г. Свод 1410 г. положил начало другой псковской летописной традиции, связанной, вероятно, с монастырским летописанием и, соответственно, не затронутой событиями 1510 г. В 1464 г. создается свод, составитель которого привлек новгородско-софийские своды. В дальнейшем уже в XVI в. создаются другие своды – 1547 и 1567 гг. Составитель последнего использовал в том числе доступный ему список «посадничей» летописи XV в., что объясняет некоторую близость ППЛ и ПППЛ [Вовин, 2016, с. 161].

Важнейшее место в текстах XIII–XIV вв. отведено повествованию о сражениях с Ливонским орденом, описанию «розратий» с Новгородом и Литвой, записям о строительстве церквей и городских стен, о поставлении князей и посадников, о неурожаях, голоде, болезнях, небесных знамениях и др. Сообщения об общерусских событиях немногочисленны и лаконичны. «В XV в. записи становятся более подробными, охватывая весь круг событий военной, гражданской и церковной жизни Пскова и приобретая постепенно общерусский характер. Интерес начинают вызывать события, которые не имеют прямого отношения к Пскову: удельные смуты, события в Литве и Новгороде» [Охотникова, 1989, с. 27–30].

Вместе с тем на протяжении XIII–XV столетий известия о русско-ордынских отношениях находят отражение на страницах псковского летописания. Причем нередко эти свидетельства носят довольно точный характер, выдавая осведомленного информатора. С большой долей вероятности можно предполагать, что составители памятников использовали «протограф южно-русского происхождения, и поэтому вопрос о качестве его отражения в каждом из его списков остается открытым» (о происхождении известий, например, см. [Цыб, Чичинов, 2014, с. 247]).

Всего в псковском летописании выделяется 32 известия, касающихся русско-ордынских отношений и отношений России с постордынскими государствами в XIII–XVI столетиях.

Из них 18 в ПЛ в годовых записях за 6732, 6738, 6856, 6747 (2 события), 6746, 6749, 6835, 6845, 6847, 6869, 6886, 6890, 6934, 6939, 6940, 6954, 7049 гг. и еще два в отрывке из летописи типа Авраамки на л. 2–8 Тихановской рукописи под [1371 (6879)] и 6883 гг., всего 19. В ППЛ – 9 в годовых записях за 6732, 6835, 6845, 6847, 6888, 6890, 6908, 6934, 6991 гг. и одно во вводной части летописи, всего 10. В ПППЛ – 19 в годовых записях за 6732, 6746, 6748, 6749, 6835, 6845, 6847, 6888, 6920, 6934, 6939, 6940, 6954, 6980, 7061 (два известия), 7063 (два известия), 7073 гг. и еще три в окончании Архивского 3-го списка в годовых записях 7004, 7016, 7095, всего 22. Таким образом, с учетом совпадений в трех летописях (а таковых 20) в псковских сводах содержатся 52 известия. В данной работе рассматривается одно из самых ранних.

Под 6749 (1241) г. отмечено: «Пришед Александръ от Батыя». После этого указано, что «с братом Андреем и с низовцы» князь направился освобождать от немцев Псков (ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 82). ПЛ, умалчивая о поездке князя к Батью, отмечает, что «взя князь Александръ городокъ Копорию, а Нѣмецъ изби. А на другое лѣто ходилъ князь Александръ с муж новгородцы и бишася на леду с Нѣмцами» (ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 13).

О поездке князя Александра в ставку монгольского полководца накануне битвы на Чудском озере сообщают и другие летописи. Но относят они ее к 1242 г. Так, Новгородская IV летопись содержит следующую запись: «В лѣто 6750. Иде Александръ къ Батью царю, а Олегъ Рязаньскій къ Канови иде. И пришедъ Александръ отъ Батыя, и поиде съ братомъ Андреемъ, съ Низовци и съ Новгородци, изгонною ратью, на Немци къ Пскову» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 228). Такие же известия отложились в Новгородской Карамзинской летописи (ПСРЛ. Т. 42. С. 117). Никифоровская и Супральская летописи известие сохранили («Иде Александр к Батью царю, Олег резаньскій иде к канови»), добавив, что «а Батыи слышя Александрово мужество и възлюби я, и отпусти и с честью» (ПСРЛ. Т. 35. С. 27; Т. 17. Стб. 26; Т. 35. С. 45), не сообщая о последующих событиях на Чудском озере. При этом сразу же указывая, что «в Лѣто 6754 (1246). Ездил Александр второе ко Батыеви и отпущен бысть со честью» (Там же). О том, что поездка в 1246 г. к Батью князя Александра Ярославича была не первая, говорит и Новгородская IV под 6754 (1246) г.: «Бзди Александр другое к Батью, и Батыи отпусти его на Роусь съ честью» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 229).

В Новгородской (пятой) Хронографической летописи события расположены несколько иначе. Известие о поездке князя Александра к Батью и Олега Рязанского к каану помещены под 6749 (1241) г. после описания похода на Копорье. Возвращение князя Александра Ярославича отмечено под 6750 (1242) г. перед походом на Псков и Чудское озеро (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 2. Вып. 1. С. 218). В конце годовой статьи 6750 (1242) г. указано, что князь «Ярославъ, отецъ Александровъ, иде въ орду къ Батью». А под 6754 (1246) г. – «Бзди Александръ другоѣ къ Батью» (Там же. С. 219).

Таким образом, новгородское и белорусско-литовское летописание сохранило известия о двух поездках князя Александра Ярославича на протяжении 1242–1246 гг.

И. Д. Беляев [Беляев, 1849, с. 11] и С. М. Соловьев не критично восприняли известие Новгородской IV летописи и отнесли поездку к Батью ко времени между освобождением Копорья и Пскова – к осени – зиме 1241/1242 гг.: «Приехавши в Новгород в 1241 году, Александр немедленно пошел на немцев к Копорью, взял крепость, гарнизон немецкий привел в Новгород, часть его отпустил на волю, только изменников вожан и чудь перевешал. Но нельзя было так скоро освободить Псков; только в следующем 1242 году, съездивши в Орду, Александр выступил ко Пскову и взял его» [Соловьев, 1993, кн. 2, с. 175].

Однако А. Энгельман скептически отнесся к возможности поездки князя Александра к Батью: «Справедливость этого известия подвержена большому сомнению», поскольку «в марте 1242 г. он уже воевал с ливонцами» [Энгельман, 1858, с. 128]. Тем не менее Энгельман допускал, что заметка «о поездке Александра в Орду относится собственно к концу описания предыдущего (6749) года и только по ошибке попала в начало 6750 г.» [Там же, с. 129].

В целом сообщения летописей о визите князя Александра к Батью в 1242 г. признаны ошибочными и анахроничными [Лурье, 1997, с. 110]. Так, С. А. Маслова подчеркивает: «Едва ли сообщение Новгородской четвертой летописи соответствует действительности. Ранние летописные известия, а также Житие князя не отмечают факт поездки Александра Невского в Орду в 1242 г. Новгородская первая летопись сообщает об активных военных действиях Александра в Новгородской земле в первой половине 1240-х гг. и относит поездку Александра в Орду к 1246 г.» [Маслова, 2021, с. 45].

В качестве аргумента в подтверждение несоответствия действительности поездки князя Александра к Батью зимой 1241/1242 г. можно привести и тот факт, что монгольский завоеватель находился в это время в Венгрии, путь к нему и обратно занял бы у князя значительное время, вернуться к марту 1242 г. для подготовки и ведения крупномасштабной войны против немцев он не смог бы [Багдасарян, (Лукашенко) Сильвестр, 2022, с. 208].

Тем не менее В. В. Каргалов посчитал, без каких-либо дополнительных аргументов, такую поездку вполне возможной и рассматривал ее как дипломатическую разведку [Каргалов, 1967, с. 138].

А. В. Кузьмин отметил поездку князя Александра к Батыю в 1242 г. как «очень важный факт из его биографии», который «обойден молчанием современными исследователями» [Кузьмин, 2008, с. 52]. В качестве аргумента исследователь привел свидетельства Летописи Авраамки. Согласно А. В. Кузьмину «ее источник был с дефектами» и в «статье за 1242 г. уже есть очевидная правка редактора. Вместо “иде Александр к Батыю”, здесь читается: “Иде Ярославъ одинъ къ Батыю, а Олегъ Рязаньскый къ Канови иде”» [Там же, с. 51]. Иначе говоря, автор подчеркивает, что редактор Летописи Авраамки совершил ошибку, заменив Александра на Ярослава, а сама поездка состоялась. Однако, кроме «дефекта» Летописи Авраамки, автор иных аргументов в пользу реальности событий не приводит.

Между тем свидетельство ПШ летописи, помещенное под 6749 (1241) г., и Новгородской (пятой) Хронографической летописи, отметившей и отъезд князя Александра к Батыю, и его возвращение, а также фиксация в летописях двух поездок князя в ставку хана в 1241–1246 гг. заставляют внимательно разобрать возможность посещения новгородским князем ставки ордынского полководца в 1241 г.

На наш взгляд, наиболее вероятное время такой поездки – зима 1240/1241 г. Тогда возвращение князя Александра выпало бы на начало мартовского 6749 (1241) г., что, собственно, и зафиксировал составитель ПШЛ. В летописях же, связанных с Новгородской IV летописью, следует предполагать ошибку. На эту мысль наталкивает упоминание в Никифоровской и Супральской летописях о рождении сына Василия у князя Александра в начале годовой статьи 6749 г. (в действительности сын Василий родился у князя Ярослава Всеволодовича). В начале следующей статьи 6750 г. отмечена поездка в Орду князя Александра и Олега Рязанского. В Летописи Авраамки в качестве визитера упомянут Ярослав Всеволодович. Собственно, поездки Ярослава к Батыю, а Олега к каану соответствуют политической ситуации после возвращения монголов из Западного похода. Таким образом, налицо путаница между князем Александром и Ярославом.

Редактор ПШЛ оставил известие о возвращении князя Александра в нужном месте – в начале мартовского 6749 (1241) г. Правда, поместил его, как иные летописи, перед рассказом об освобождении Пскова от немцев – это было более актуально для него. При этом в ПШ отложились и сведения о предшествующих событиях – выдворении немцев из Копорья. Но при этом опущено известие о поездке к Батыю.

Показательно, что именно в ПШЛ отложилась точная дата взятия Киева войсками Батыя 19 ноября 1240 г.: «В лѣто 6748. Тог[о же л]ѣ[та] приидоша Татарове к Киеву [сентября 5] и стояше под Киевом 10 нед[ель] и 4 дни, и едва в[з]яша и, ноября в 19 в понедельник» (ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 80, 81) (столь же точно под 6792 (1284) г. отмечено в летописи лунное затмение: «Бысть знамение в лоунѣ, декабря 24, в день неделный [воскресенье. – Ю. С.]» (Там же. С. 88)).

Именно внимание псковского летописца к деталям и точности позволяет видеть в его сообщениях об Орде и русско-ордынских отношениях достоверную информацию.

Кроме того, анализ информации в Новгородской IV летописи, Летописи Авраамки и в Новгородской Большаковской летописи (рукопись 1530-х гг.) [Конявская, 2010, с. 50] показывает, что сведения в указанных сводах появились независимо друг от друга и восходят к единому архетипу. И если источник Новгородской IV был уже дефектен, то для Летописи Авраамки и Большаковской летописи источником послужил более исправный текст. Сама по себе независимость происхождения записей свидетельствует в пользу достоверности известий и требует пристального внимания.

Кроме того, В. И. Ставиский обратил внимание на то, что «известие о дате падения Киева из Летописи Авраамки, Супральской, и I Псковской летописи восходящих к общему протографу – Псковскому своду середины XV в., является истинным и наиболее древним. Оно восходит к Повести о нашествии Батыя на русские земли в 1237–1241 гг., присоединенной к киевской летописи 1239 г. Список этого митрополичьего летописца попал в Новгород, очевидно, весной

1251 г., когда сюда приехал митрополит. Здесь он и вошел в состав новгородского свода, который может быть охарактеризован как Новгородский I особой редакции. В середине XV в. он был использован вместе с Новгородской IV летописью и Ростовской владычной летописью при составлении Псковского свода» [*Ставиский*, 1990, с. 290].

Вероятно, такой же независимый характер имеет и свидетельство псковского летописания о возвращении князя Александра от Батыя в 1241 г.

Насколько вероятной была возможность у Александра совершить визит к Батыю в период до марта 1241 г.? Косвенно такую вероятность подтверждает отъезд князя из Новгорода «той же зимы» (ноябрь/декабрь) 1240 г.

Отъезд князя Александра из Новгорода после Невской битвы традиционно рассматривается как изгнание князя боярами и вечем: «Новгородцы, боясь того, что Александр Невский усилит княжескую власть, заставили его покинуть город» [*Торкунов, Данилов, Стефанович и др.*, 2022, с. 22]. Однако Н. М. Карамзин достаточно осторожно описал события, не выявляя суть конфликта: «Сей Князь имел тогда распрю с Новгородцами: досадуя на их неблагодарность, он уехал к отцу в Переславль Залесский, с матерью, супругою и всем Двором» [*Карамзин*, 1842, стб. 19]. С. М. Соловьев предложил объяснение ссоры: «Новгородцы любили видеть Александра в челе дружин своих; но недолго могли ужиться с ним как с правителем, ибо Александр шел по следам отцовским и дедовским: в самый год Невской победы он выехал из Новгорода, рассорившись с жителями» [*Соловьев*, 1993, кн. 2, с. 174–175]. Дж. Феннел, вслед за поздним Никоновским сводом, отмечает, что «не успел Александр вернуться с Невы, как в городе “бысть крамола велиа”. В чем была суть “крамолы”, ни в одном из источников не сообщается, но она послужила причиной того, что Александр рассорился (“роспрѣвьяся”) с новгородцами и в гневе отбыл в Переславль» [*Феннел*, 1989, с. 144]. Без описания причин отмечает ссору князя с новгородцами и его отъезд Ю. К. Бегунов [*Бегунов*, 2003]. В. А. Кучкин дал развернутый комментарий: «В самом Новгороде произошли неожиданные и на первый взгляд странные события. Новгород покинул Александр Невский, рассорившись с новгородцами. Причины конфликта не раскрыты ни летописью, ни учеными-историками. А между тем они могут быть установлены. Изгнав с берегов Невы шведов, князь Александр тем не менее никак не воспрепятствовал захвату Пскова немецкими и датскими феодалами. Естественно, это вызвало резкое недовольство части новгородцев и особенно бежавших в Новгород псковичей... Обоюдные обвинения стали столь острыми, что Александр вынужден был покинуть Новгород и уехать к отцу в Переславль» [*Кучкин*, 2021, с. 36].

Действительно, выезд князя из Новгорода ввиду явной опасности от орденских немцев выглядит странным и может быть объяснен недалевидностью и страхом за свою власть новгородской элиты, которая в столь драматичное время поссорилась с князем и выгнала его.

Такую трактовку событий позволяет сформулировать запись Новгородской I летописи: «Той же зимы выиде князь Олександръ изъ Новагорода къ отцу в Переяславль съ матерью и с женою и со всѣмъ дворомъ своимъ, роспрѣвьяся с новгородци» (ПСРЛ. Т. 3. С. 78). Поздний Никоновский свод описывает случившиеся иными словами: «Того же лѣта размолвиша Новгородци со Александромъ Ярославичемъ, и бысть крамола велиа въ Новѣградѣ, отъгдѣ Александръ ко отцу своему, къ великому князю Ярославу Всеволодовичу Владиимрскому» (ПСРЛ. Т. 10. С. 123). Именно по словам Никоновского свода новгородцы представлены инициаторами разрыва и отъезда князя.

Между тем приведенные формулировки позволяют трактовать события и в том смысле, что отъезд из Новгорода был инициативой князя Александра.

Ситуация, когда новгородцы не желали отпускать князя, фиксируется в 1225 г. Михаил Всеволодович Черниговский заявил новгородцам: «Не хочу у васъ княжити». Новгородцы настойчиво «же много уимаша и, молячесь», тем не менее «проводиша и съ цѣстью» (ПСРЛ. Т. 3. С. 64, 268–269).

Ранее, в 1224 г., «пойде князь Ярослав съ княгынею и съ дѣтми Переяславлю; новгородци же кланяхутся ему: “не ходи княже”; онъ же пойде по своей воли» (Там же. С. 61).

Еще ранее, зимой 1222/1223 г., сын князя Юрия Всеволодовича Владимирского Всеволод «побеже въ ночь, утаивъся из Новагорода, съ всемъ дворомъ своимъ; новгородцы же печальни быша о томъ» (Там же), а в 1224 г. «утаивъся, съ всемъ дворомъ своимъ» во второй раз («поиде другое») покинул Новгород и расположился в Торжке (Там же. С. 64).

Таким образом, летописец фиксирует случаи, когда инициатором разрыва отношений был князь. Обратную ситуацию, когда новгородцы предъявляют князю обвинения и просят покинуть княжеский стол, летописец передает иными формулировками.

Так, под 1132 г. указано, что «выгониша князя Всеволода из города» (Там же. С. 23), а в 1136 г. «и сдумаша, яко изгонити князя своего Всеволода, и въсадиша въ епископлъ дворъ» (Там же. С. 24). В 1221 г. князю Всеволоду Мстиславичу новгородцы «показаша путь» и заявили: «Не хочемъ тебе; поиди, камо хочеша» (Там же. С. 60). В 1230 г. «княжицю Ростиславу путь показаша с Торжку къ отцеви въ Църнигов <...> а ты поиди прочь, а се уже себе князя промыслимъ» (Там же. С. 70).

В рассказе о выезде из Новгорода князя Александра Ярославича указаний на принудительное изгнание князя нет. Скорее можно предполагать, что новгородцы были крайне недовольны отъездом удачливого полководца в непростых военно-политических условиях.

Что же могло заставить князя Александра выехать из Новгорода? Можно предполагать, что причиной отъезда послужил вызов князя отцом. Во всяком случае, летописец подчеркивает, что Александр прибыл «ко отцу своему, къ великому князю Ярославу Всеволодовичу Владимирскому». Причем бояре не желали отпускать Александра, и ему пришлось вступить с ними в конфликт: князь «роспрѣвса» с новгородцами.

Надо полагать, что Ярослав Всеволодович поручил своему сыну какое-то важное задание, которое оправдывало его отсутствие в Новгороде.

Косвенно как минимум отсутствие князя Александра во Владимире или Переяславле подтверждает посольство новгородцев к Ярославу «по князя», когда тот «дасть имъ сына своего Андрѣя». Однако новгородцы «послаша владыку с мужи опять по Олександра» (Там же. С. 78). Иными словами, и первое посольство надеялось, что прибудет Александр. Но, вероятно, князя не было при дворе Ярослава, и он направил в Новгород своего второго по старшинству сына Андрея.

Можно предполагать, что в это время Александр выполнял дипломатическую миссию и ездил в ставку Батыя.

При каких условиях могла возникнуть необходимость такой поездки? Можно предполагать, что князь Ярослав начал переговоры с завоевателями после падения столицы Руси Киева 19 ноября 1240 г. (дата падения также надежно зафиксирована в Псковской летописи). Дело в том, что в русской письменной традиции закрепилось известие в самом начале Ипатьевского свода, где помещен перечень независимых (суверенных) русских князей, доведенный «до избитья Батыева» («Се же соуть имена княземъ Киевским княжившим в Киевѣ до избитья Батыева [выделено мной. – Ю. С.]... под Даниловым намѣстником под Дмитромъ взяша Батыи Киевѣ») (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 1, 2). Теперь, с точки зрения права победителя, Киевом и Русью владел Батый. И к нему для установления отношений следовало обращаться русским князьям. Вероятно, данной ситуацией и хотел воспользоваться князь Ярослав Всеволодович, чтобы вернуть контроль над Киевом. Для этого он направил в ставку Батыя в юго-западной Руси своего старшего сына Александра.

Именно до марта 1241 г. князь Александр должен был совершить подобную поездку, ибо 12 марта указанного года Батый начал нашествие в Венгрию, прорвав оборону в Карпатах на Русском перевале (Магистр Рогерий, 2012, с. 28). За три месяца – декабрь (1240), январь и февраль (1241) – вполне возможно было добраться до южной Руси и вернуться. К примеру, в ходе усобицы летом 1149 г. князь Юрий Владимирович с боями прошел за месяц от Суздаля до Киева (24 июля выдвинулся, а 27 августа вошел в столицу Руси) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 320–322; Т. 2. Стб. 372–383) [Карамзин, 1842, стб. 140–141; Пятнов, 2003, с. 3–24; Рапов, 1977, с. 143, 149, 221; Селезнев, 2018, с. 176–182; Соловьев, 1993, кн. 1, с. 442–446]. Несомненно, путь по землям, подвергшимся нападению монголо-татар, был опасным и мог быть более медленным. Но и

намерение князя оказать почтение Батыю могло ускорить движение княжеской свиты. На аудиенцию могло уйти до 25 дней [Селезнев, 2016, с. 126]. Тем не менее эти весьма общие расчеты показывают, что за три месяца князь Александр мог добраться до ставки Батю и вернуться во Владимир и в первой половине марта 1241 г. направиться в Новгород.

Таким образом, хронологически существует возможность поездки в ставку Батю, а также выявляется вероятность отсутствия князя Александра при дворе своего отца в конце мартовского 6748 г. (ноябрь – февраль). Данные наблюдения позволяют говорить о достоверности известия Псковской III летописи о визите князя Александра к Батыю и его возвращении в начале мартовского 6749 г. (во всяком случае, до его прибытия в Новгород в марте 1241 г.). Данный визит является первой поездкой князя Александра к Батыю и первым посещением русскими князьями ставки монголо-татарского хана после падения Киева. При этом визит носил дипломатический характер. Можно предполагать, что были достигнуты предварительные договоренности о признании верховным правителем Руси Батю, гарантиях безопасности при визите в ставку хана князя Ярослава Всеволодовича и, возможно, о правах суздальского князя на Киев и весь «Русский улус». Не исключено, что визит не афишировался, а переговоры оставались секретными.

По мнению А. А. Горского, «Русь воспринималась монголами как единое политическое целое во главе с Киевом». В столице – Киеве – и Переяславле, «городах, оказавшихся в тылу двигавшегося на запад войска», были оставлены наместники. Сразу по возвращении из Западного похода «трем сильнейшим князьям были направлены требования явиться к Батыю, со ссылкой на волю великого хана» [Горский, 2022, с. 306]. Первым в ставку прибыл князь Ярослав Всеволодович и получил старейшинство в Русской земле и Киев. Можно предполагать, что столь успешная миссия князя была подготовлена договоренностями его сына зимой 1240/1241 г.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, реализуемого в Воронежском государственном университете, <https://rscf.ru/project/23-18-00147/>.

Список источников

- Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 310 с.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.
- Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
- Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Новгородская четвертая летопись. Пг., 1915.
- Т. 4. Ч. 2. Вып. 1. Новгородская четвертая летопись. Пг., 1917.
- Т. 5. Вып. 1. Псковские летописи. М., 2003.
- Т. 5. Вып. 2. Псковские летописи. М., 2000.
- Т. 10. Никоновская летопись. М., 2000.
- Т. 17. Западнорусские летописи. СПб., 1907.
- Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М., 1980.
- Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.

Библиографический список

- Багдасарян В.Э., (Лукашенко) Сильвестр, архимандрит. Стратегия Александра Невского и цивилизационные трансформации XIII века. М.: Отчий дом, 2022. 272 с.
- Бегунов Ю.К. Александр Невский. Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. М.: Молодая гвардия, 2003. 261 с.
- Беляев И.Д. Великий князь Александр Ярославич Невский // Временник О-ва истории и древностей рос. 1849. Кн. 4. С. 1–42.
- Введенский А.М. О нижней границе составления общего протографа Псковских летописей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 21–22.
- Вовин А.А. К вопросу о времени создания общего протографа псковских летописей и его связи с новгородским летописанием // Новгородский исторический сборник. 2016. № 16 (26). С. 139–161.

- Горский А.А. Первые вызовы русских князей к монгольским правителям: 1242–1243 годы // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 2. С. 303–313.
- История России. 6 класс: учебник: в 2 ч. / А.В. Торкунов, А.А. Данилов, П.С. Стефанович, Н.М. Арсентьев. М.: Просвещение, 2022. Ч. 2. 128 с.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1 (т. 1–4). СПб.: Изд. И. Эйнерлинга, 1842. 1330 стб.
- Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: феодальная Русь и кочевники. М., 1967. 262 с.
- Конявская Е.Л. Краткий новгородский летописец и его место в новгородском летописании // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 1 (39). С. 40–52.
- Кузьмин А.В. Рязанские, Пронские и муромские князья в XIII – середине XIV века (историко-генеалогическое исследование) // Записки отдела рукописей РГБ. Статьи и сообщения. М., 2008. Вып. 53. С. 35–60.
- Кучкин В.А. Александр Невский: победа на Неве, возвращение Пскова, сражение на Чудском озере // Исторический вестник. 2021. Т. XXXV. С. 28–43.
- Лурье Я. С. Россия древняя и Россия новая (Избранное). СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 408 с.
- Маслова С.А. К оценке восточной политики Александра Невского // Исторический вестник. 2021. Т. 35. С. 44–59.
- Охотникова В.И. Летописи Псковские // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 27–30.
- Пятнов А.П. Борьба за киевский стол в 1148–1151 гг. // Вестник Моск. ун-та. История. 2003. № 1. С. 3–24.
- Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М.: Моск. гос. ун-т, 1977. 264 с.
- Селезнев Ю.В. Галицко-Волынская летопись как источник по истории Джучиева улуса // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 123–130.
- Селезнев Ю.В. Княжеские усобицы в Древней Руси 1132–1169 гг. М.: Руниверс, 2018. 292 с.
- Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 1. История России с древнейших времен. Т. 1–2. М.: Голос, 1993. 752 с.
- Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 2. История России с древнейших времен. Т. 3–4. М.: Голос, 1993. 768 с.
- Ставиский В.И. О двух датах штурма Киева в 1240 г. по русским летописям // Тр. Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1990. Т. 43. С. 282–290.
- Феннел Дж. Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М.: Прогресс, 1989. 291 с.
- Цыб С.В., Чичинов В.А. Хронологические показания судакского Синаксария и датировка монгольского похода на южную Русь // Изв. Алт. гос. ун-та. 2014. № 4-2 (84). С. 242–247.
- Энгельман А. Хронологические исследования в области русской и ливонской истории в XIII и XIV ст. СПб., 1858. 220 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 17.12.2023

“ALEXANDER CAME FROM BATU”: ON THE QUESTION OF THE POSSIBILITY OF PRINCE ALEXANDER'S TRIP TO BATU'S HEADQUARTERS IN THE WINTER OF 1240/1241

Yu. V. Seleznev

Voronezh State University, Universitetskaya sq., 1, 394018, Voronezh, Russia
orda1359@mail.ru
ResearcherID: B-7401-2018
Scopus Author ID: 57205355065
SPIN: 6847-1666

The Pskov Chronicle has preserved a unique testimony about the trip of Prince Alexander Yaroslavich Nevsky to Batu's headquarters. Traditionally, this account is considered an anachronism, the result of misinterpretation by scribes who did not understand the text of their predecessors. However, a careful analysis of the

events in late 1240 and early 1241 suggests that it is possible that the prince made a trip to the headquarters of the Mongolian commander at that time. The article provides some arguments in support of the probability of such a trip, as well the features, course, goals, and outcomes of the trip, which were associated with the fall of Kiev in autumn and winter of 1240 and the need to establish relations with the Mongols after the fall of the capital of Russia and the loss of the latter's sovereignty. The conquest of the capital by the enemy raised the question of whether to recognize the power of the victors or defend independence with arms. The intention of the Prince of Vladimir to enter into negotiations under these conditions is very likely. The task of representing the Grand Duke of Vladimir, Yaroslav Vsevolodovich, at the court of the Mongol commander forces to reconsider the problem of Prince Alexander's departure from Novgorod in the autumn of 1240. It can be assumed that the departure was the initiative of the prince, and the Novgorodians opposed Alexander's departure from the city. An analysis of the chronicle records shows that cases where the prince was the initiator of the rupture of relations, and cases where the Novgorodians accused the prince and asked him to leave the land are described in different categories. The departure of the prince against the will of the Novgorodians caused strained relations between the boyars and the princely government. After returning from Batu, Prince Alexander returned to Novgorod.

Key words: Alexander Nevsky, Pskov Chronicles, Batu, Horde, Kiev, Novgorod.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project № 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147/>.

References

- Bagdasaryan V.E., Sil'vestr (Lukashenko), arkhimandrit (2022), *Strategiya Aleksandra Nevskogo i tsivilizatsionnyye transformatsii XIII veka* [The strategy of Alexander Nevsky and civilizational transformations of the 13th century], Otchiy dom, Moscow, Russia, 272 p.
- Begunov, Yu.K. (2003), *Aleksandr Nevskiy. Zhizn' i deyaniya svyatogo i blagovernogo velikogo knyazya* [Alexander Nevskiy. The life and deeds of the holy and blessed Grand Duke], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia, 261 p.
- Belyayev, I.D. (1849), “Grand Duke Alexander Yaroslavich Nevsky”, in *Vremennik O-va istorii i drevnostey ros.* [Vremennik of the Institute of History and Antiquities of Russia], book 4, n.p., Moscow, Russia, pp. 1–42.
- Engel'man, A. (1858), *Khronologicheskiye issledovaniya v oblasti russkoy i livonskoy istorii v XIII i XIV st.* [Chronological studies in the field of Russian and Livonian history in the 13th and 14th centuries], tip. Akad. nauk, St. Petersburg, Russia, 220 p.
- Fennel, Dzh. (1989), *Krizis srednevekovoy Rusi, 1200–1304* [The Crisis of Medieval Russia, 1200–1304], Progress, Moscow, USSR, 291 p.
- Gorskiy, A.A. (2022), “The first calls of Russian princes to the Mongol rulers: 1242–1243”, *Zolotoordynskoye obozreniye*, vol. 10, № 2, pp. 303–313.
- Karamzin, N.M. (1842), *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. Kn. 1 (t. 1-4)* [History of Russian Government. Book 1 (vol. 1-4)], Izd. I. Eynerlinga, St. Petersburg, Russia, 1330 stb.
- Kargalov, V.V. (1967), *Vneshnepoliticheskiye faktory razvitiya feodal'noy Rusi: Feodal'naya Rus' i kochevniki* [Foreign policy factors in the development of feudal Rus': Feodal Rus' and nomads], Vysshaya shkola, Moscow, USSR, 262 p.
- Konyavskaya, E.L. (2010), “Brief Novgorod chronicler and his place in Novgorod chronicles”, *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, № 1 (39), pp. 40–52.
- Kuchkin, V.A. (2021), “Alexander Nevsky: victory on the Neva, return of Pskov, battle on Lake Peipus”, *Istoricheskiy vestnik*, vol. 35, pp. 28–43.
- Kuz'min, A.V. (2008), “Ryazan, Pron and Murom princes in the 13th – mid-14th centuries (historical and genealogical research)”, in *Zapiski otdela rukopisey RGB. Statyi i soobshcheniya* [Notes of the Department of Manuscripts of the Russian State Library. Articles and messages], Pashkov dom, Moscow, Russia, issue 53, pp. 35–60.
- Lurye, Ya.S. (1997), *Rossiya drevnyaya i Rossiya novaya (Izbrannoye)* [Ancient Russia and New Russia (Selected works)], Dmitry Bulanin, St. Petersburg, Russia, 408 p.
- Maslova, S.A. (2021), “Towards an assessment of Alexander Nevsky's eastern policy”, *Istoricheskiy vestnik*, vol. 35, pp. 44–59.
- Okhotnikova, V.I. (1989), “Pskov Chronicles”, in *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of scribes and literacy of ancient Russia], Nauka, Leningrad, USSR, vol. 2, p. 2, p. 27–30.
- Pyatnov, A.P. (2003), “The struggle for the Kiev table in 1148–1151”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8, Istoriya*, № 1, pp. 3–24.
- Rapov, O.M. (1977), *Knyazheskiye vladeniya na Rusi v X – pervoy polovine XIII v.* [Princely possessions in Rus' in the 10th – first half of the 13th centuries], Mosk. gos. un-t, Moscow, USSR, 264 p.
- Seleznev, Yu.V. (2016), “Galicia-Volyn Chronicle as a source on the history of Dzhuchiev Ulus”, *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*, № 9, pp. 123–130.

- Seleznev, Yu.V. (2018), *Knyazheskiye usobitsy v Drevney Rusi 1132–1169 gg.* [Princely strife in Ancient Rus' 1132–1169], Runivers, Moscow, Russia, 292 p.
- Solov'yev, S.M. (1993), *Sochineniya: V 18 kn. Kn.1: Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. T.1–2* [Works: In 18 books. Book 1: History of Russia since ancient times. Vol. 1–2], Golos, Moscow, Russia, 752 p.
- Solov'yev, S.M. (1993), *Sochineniya: V 18 kn. Kn.2: Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. T.3–4* [Works: In 18 books. Book 2: History of Russia since ancient times. Vol. 3–4], Golos, Moscow, Russia, 768 p.
- Staviskiy, V.I. (1990), “About two dates of the assault on Kyiv in 1240 according to Russian chronicles”, in Likhachev, D.S. (ed.), *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury / Akademiya nauk SSSR. Institut russkoy literatury (Pushkinskiy Dom)* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature / Academy of Sciences of the USSR. Institute of Russian Literature (Pushkin House)], vol. 43, Nauka, Leningrad, USSR, pp. 282–290.
- Torkunov, A.V., Danilov, A.A., Stefanovich, P.S. & N.M. Arsentiev (2022), *Istoriya Rossii. 6 klass. Uchebnik. V 2-kh chastyakh* [Russian history. 6th grade. Textbook. In 2 parts], Prosveshchenie, Moscow, Russia, 128 p.
- Tsyb, S.V. & V.A. Chichinov (2014), “Chronological indications of the Sudak Synaxarium and dating of the Mongol campaign against southern Rus’”, *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 4–2 (84), pp. 242–247.
- Vovin, A.A. (2016), “On the question of the time of creation of the general protograph of the Pskov chronicles and its connection with the Novgorod chronicles”, *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik*, № 16 (26), pp. 139–161.
- Vvedenskiy, A.M. (2017), “On the lower limit of compiling a general protograph of the Pskov Chronicles”, *Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki*, № 3 (69), pp. 21–22.